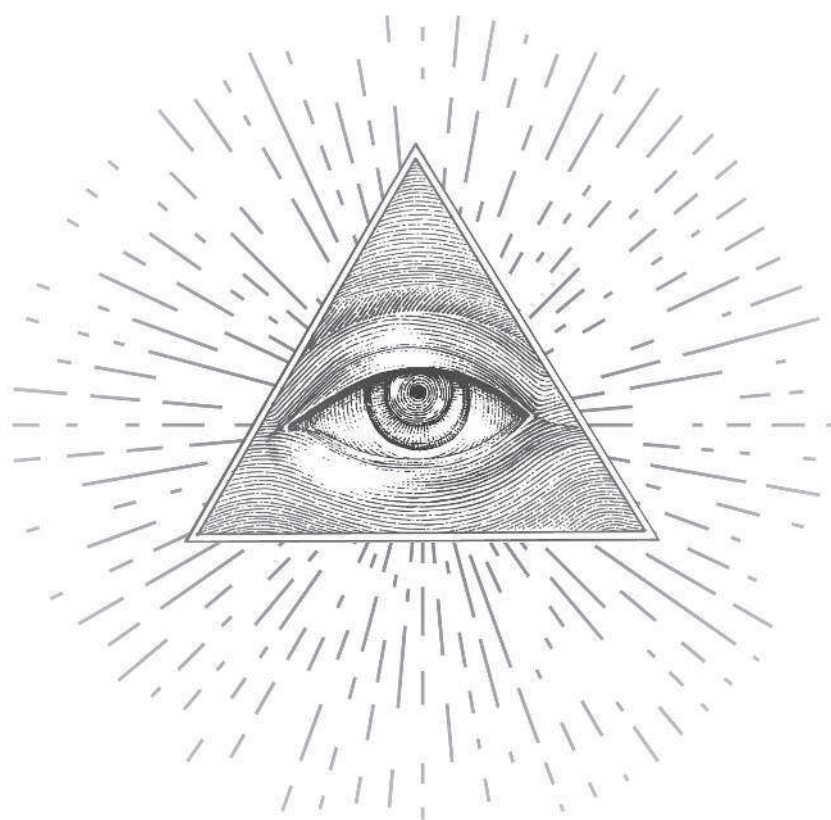
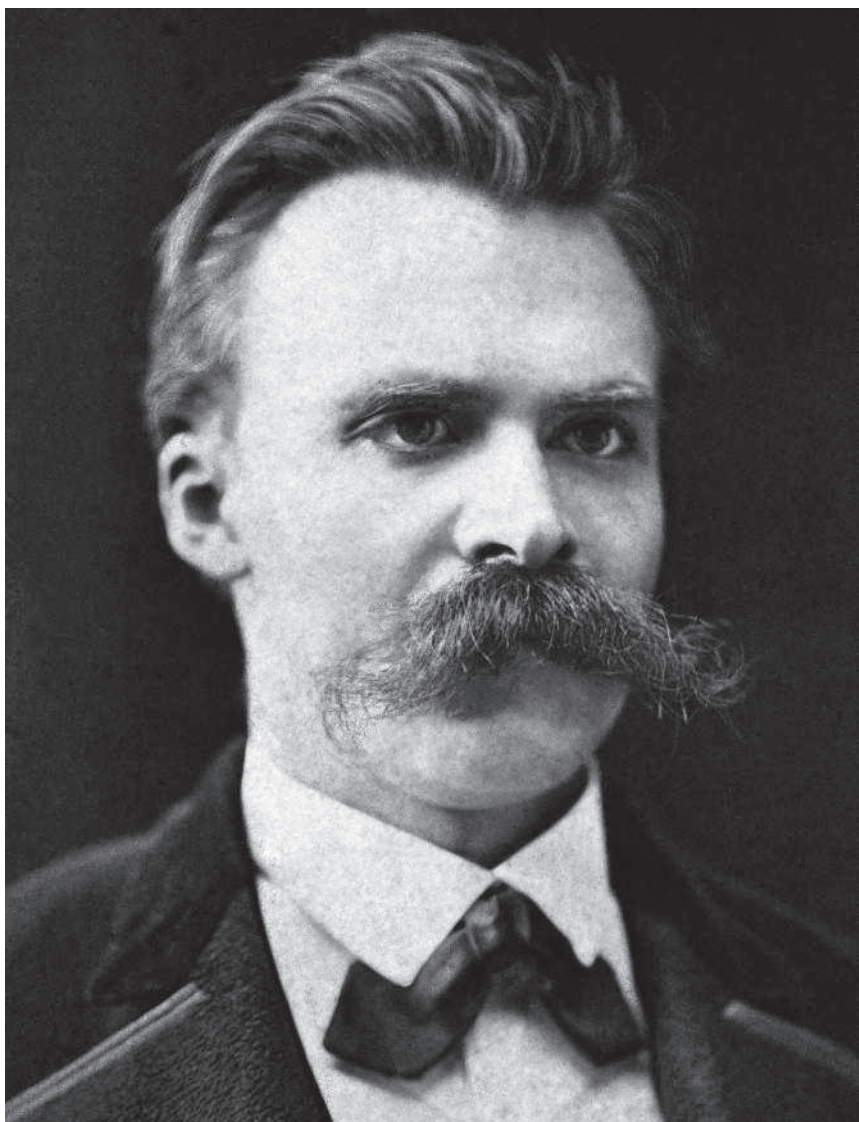

Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900)

Фридрих Ницше

ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА

Книга для всех и ни для кого

Москва
Издательство АСТ

УДК 1(430)Ницше
ББК 87.3
Н70

Перевод оригинального издания:

Friedrich Wilhelm Nietzsche

Also sprach Zarathustra:
Ein Buch für Alle und Keinen

Ницше, Фридрих Вильгельм.

Н70 Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше; пер. с нем. В. В. Рынкевича. — Москва: АСТ, 2018. — 320 с. — (Тайны науки).

ISBN 978-5-17-107151-6 (ООО «Издательство АСТ»)

Автор называл стиль, в котором написана книга, алкионовым — по имени птицы из древнегреческого диалога, которая тщетно разыскивала своего возлюбленного и печально пела. Ницше рассчитывал, что книга найдёт читателя, «способного на такие же чувства и достойного их»: «Прежде всего нужно расслышать тон, этот алкионов тон, с каким разговаривает этот философ, чтобы не прийти к несправедливому — и оттого прискорбным — суждениям о зерне его мудрости».

Так устами Заратустры Ницше рассуждает о мире после смерти Бога — мире отнюдь не обреченном и не бессмысленном — и пророчит рождение Сверхчеловека, творца собственной воли, должного перешагнуть через человека нынешнего. Именно на этих страницах раскрывается идея Вечного возвращения — по Ницше, непреложного свойства покинутого божеством света.

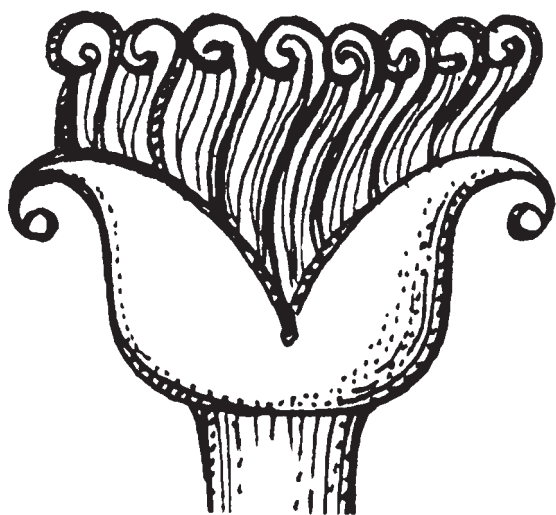
В переводе отчасти сохранена пунктуация — и интонация — оригинала и приводятся ссылки на параллельные места в Библии и мировой классике.

УДК 1(430)Ницше
ББК 87.3

ISBN 978-5-17-107151-6 (ООО «Издательство АСТ»)

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018
© Перевод на русский язык. В. В. Рынкевич, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ ЗАРАТУСТРЫ

О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ И ПОСЛЕДНЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

1

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, он покинул отечество и родное озеро и удалился в горы. Здесь наслаждался он духом своим и одиночеством и не утомлялся счастьем этим целых десять лет. Но наконец преобразилось сердце его, и однажды утром, поднявшись с зарей, встал он перед солнцем и так обратился к нему:

«Великое светило! В чем было бы счастье твое, не будь у тебя тех, кому ты светишь?

Десять лет восходило ты над пещерой моей: ты пресытился бы светом и восхождением своим, не будь меня, моего орла и моей змеи.

Но каждое утро мы ждали тебя, принимали щедрость твою и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился мудростью своей, словно пчела, собравшая слишком много меда; и вот — нуждаюсь я в руках, простертых ко мне.

Я хочу одарять и наделять, пока мудрейшие из людей не возрадуются вновь безумию своему, а бедные — своему богатству.

И потом должен я сойти вниз, как ты, когда каждый вечер погружаешься в пучину моря, неся свет свой нижнему миру, ты, богатейшее из светил!

Подобно тебе, должен я *закатиться** ** — так называют это люди, к которым хочу я сойти.

Так благослови же меня, о спокойное око, без зависти взирающее и на величайшее счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы драгоценная влага струилась из нее, разнося всюду отблеск блаженства твоего!

Взгляни! Эта чаша готова вновь опустеть, а Заратустра хочет снова стать человеком».

Так начался закат Заратустры.

2

Заратустра спустился с горы, не повстречав никого на своем пути. Но когда вошел он в лес, перед ним неожиданно предстал старец, оставивший священную хижину свою, чтобы поискать в лесу кореньев. И обратился старец к Заратустре с такими словами:

«Мне знаком этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Имя его Заратустра; но преобразился он.

Тогда ты свой пепел нес в горы: неужели ныне хочешь ты нести огонь свой в долины? Неужели не боишься кары, грозящей поджигателю?

Да, я узнаю Заратустру. Взор его чист, и нет на лице его отвращения. Не оттого ли и идет он так, словно танцует?

Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра и пробудился от сна. Чего же хочешь ты от спящих?

Словно в море, погрузился ты в одиночество, и море носило тебя. Увы! Тебе хочется снова выйти на берег? И опять самому таскать бременное тело свое?»

И отвечал Заратустра: «Я люблю людей».

* Здесь и далее курсив автора книги.

** Глагол *untergehen* имеет три значения: заходить (о светилах), сходить вниз и погибать.

«Но не потому ли, — сказал святой, — ушел я в лес и пустыню, удалившись от всех, что слишком любил людей?»

Теперь я люблю Бога: людей я не люблю. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к нему убила бы меня».

Заратустра отвечал: «Разве говорил я что-то о любви? Я несу людям дар».

«Не давай им ничего, — сказал святой, — лучше возьми у них часть их ноши и неси вместе с ними — это будет для них лучше всего, если только это будет по вкусу и тебе самому!

И если хочешь ты давать им, дай не больше милостыни, да еще заставь просить ее!»

«Нет, — отвечал Заратустра, — я не подаю милостыню. Для этого я недостаточно беден».

Святой посмеялся над Заратустрой и сказал: «Так постарайся же, чтобы они приняли сокровища твои! Не доверяют они отшельникам и не верят, что приходим мы к ним ради того, чтобы дарить.

Слишком одиноко звучат шаги наши по их улицам. И если ночью, лежа в своих постелях, задолго до восхода солнца услышат они идущего человека, то спрашивают сами себя: «Куда это крадется вор?»

Так не ходи же к людям, оставайся в лесу! Иди лучше к зверям! Почему не хочешь ты быть, подобно мне, — медведем среди медведей, птицей среди птиц?»

«А что святой делает в лесу?» — спросил Заратустра.

И тот отвечал: «Я слагаю песни и пою их; слагая песни, я смеюсь, плачу и напеваю: так славлю я Бога.

Пением, плачем и смехом славлю я Бога, Господа моего. Что же несешь ты нам в дар?»

Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что могу дать я вам! Лучше позвольте мне уйти поскорее отсюда, чтобы ничего не отнять у вас!» И так расстались они друг с другом, старец и муж, смеясь, словно двое детей.

Но когда Заратустра остался один, так сказал он в сердце своем: «Возможно ли это? Этот святой старец в своем лесу еще ничего не слышал о том, что Бог умер!»

3

Придя в ближайший город, что располагался за лесом, Заратустра увидел толпу людей, собравшихся на базарной площади, ибо было им обещано зрелище — канатный плясун. И обратился Заратустра к народу с такими словами:

«Я учу вас о Сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно преодолеть. Что сделали вы, дабы преодолеть его?

Доныне все существа создавали нечто, что выше их; вы же хотите стать отливом этой великой волны и скорее вернуться к зверям, чем преодолеть человека?

Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище либо мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для Сверхчеловека — посмешищем либо мучительным позором.

Вы совершили путь от червя до человека, но многое еще в вас — от червя. Когда-то были вы обезьянами, и даже теперь человек больше обезьяна, нежели иная из обезьян.

Даже мудрейший из вас есть нечто двусмысленное и неопределенно-двуполое, нечто среднее между тем, что растет из земли, и обманчивым призраком. Но разве велю я вам быть тем либо другим?

Слушайте, я учу вас о Сверхчеловеке!

Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же и воля ваша скажет: Да будет Сверхчеловек смыслом земли!

Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах! Они — отравители; неважно, знают ли они сами об этом.

Они презирают жизнь; это умирающие и сами себя отравившие, это те, от которых устала земля: да погибнут они!

Прежде величайшим преступлением была хула на Бога, но Бог умер, и эти преступления умерли вместе с ним. Теперь же самое ужасное преступление — хулить землю и чтить непостижимое выше смысла земли!

Некогда душа с презрением смотрела на тело: и тогда чем-то высшим считалось презрение это. Душа жаждала видеть тело

тощим, отвратительным и голодным — так надеялась она освободиться от него и от земли.

О, та душа сама была тощей, отвратительной и голодной, и жестокость была наивысшим наслаждением для нее.

Но скажите мне, братья мои, что говорит ваше тело о вашей душе? Не есть ли ваша душа — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство?

Поистине, человек — это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять его в себя и не стать нечистым.

И вот — я учу вас о Сверхчеловеке: он — это море, где потонет великое презрение ваше.

В чем то высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения: час, когда счастье ваше становится для вас таким же отвратительным, как разум ваш и добродетель.

Час, когда вы говорите: «Что есть счастье мое? Оно — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство. Но оно должно быть таким, чтобы служить оправданием и самому бытию!»

Час, когда вы говорите: «В чем мой разум? Добывается ли он знания, как лев пищи своей? Мой разум — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство!»

Час, когда вы говорите: «В чем добродетель моя? Она еще не заставила меня безумствовать. Как устал я от добра и зла своего! Все это — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство!»

Час, когда вы говорите: «В чем справедливость моя? Ибо я не пламя и не уголь. А справедливый — это пламя и уголь!»

Час, когда вы говорите: «В чем сострадание мое? Разве оно не крест, к которому пригвождают того, кто любит людей? Но мое сострадание — не распятие!»

Говорили вы так? Кричали так? О, если бы я уже слышал все это от вас!

Не грехи ваши — то самодовольство ваше вопиет к небу, ничтожество грехов ваших вопиет к небу!

Где же та молния, что лизнет вас языком своим? Где то безумие, которое должно внушить вам?

Внемлите, я учу вас о Сверхчеловеке: он — та молния, он — то безумие!»

Когда Заратустра закончил речи свои, кто-то крикнул из толпы: «Довольно мы уже слышали о канатном плясуне; пусть теперь нам покажут его!» И весь народ смеялся над Заратустрой. А канатный плясун, думая, что речь шла о нем, принялся за свое дело.

4

Заратустра смотрел на толпу и удивлялся. Потом говорил он так:
«Человек — это канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасна остановка в пути, опасен взгляд, обращенный назад, опасен страх.

Величие человека в том, что он мост, а не цель; и любви в нем достойно лишь то, что он — *переход и уничтожение**.

Я люблю того, кто не умеет жить иначе, кроме как во имя собственной гибели, ибо идет он по мосту.

Я люблю того, кто несет в себе великое презрение, ибо он — великий почитатель и стрела, томящаяся по другому берегу.

Я люблю того, кто не ищет в небесах, за звездами, основания для того, чтобы погибнуть и принести себя в жертву; того, кто приносит себя в жертву земле, чтобы когда-нибудь стала она землей Сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет ради познания и стремится познавать во имя того, чтобы жил некогда Сверхчеловек. Ибо так хочет он гибели своей.

Я люблю того, кто работает и изобретает, чтобы выстроить жилище для Сверхчеловека и для него приготовить землю, животных и растения: ибо так хочет он гибели своей.

Я люблю того, кто любит добродетель свою: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела желания другого берега.

Я люблю того, кто не оставляет для себя ни единой капли духа, но жаждет быть всецело духом добродетели своей: так, подобно духу этому, проходит он по мосту.

* Существительное *Übergang* — переход, переправа; *Untergang* — закат, заход (светила); гибель, упадок. Противопоставление *über* — над и *unter* — под не удалось передать в переводе.

Я люблю того, кто из добродетели своей делает влечение и судьбу: только ради добродетели своей еще хочет он жить, и не жить более.

Я люблю того, кто не стремится иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель сильнее двух, ибо тогда она становится тем узлом, на котором держится судьба.

Я люблю того, кто расточает душу свою*, кто не хочет благодарности и сам не воздаст ее: ибо он одаряет всегда и не стремится уберечь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда счастье сопутствует ему в игре, и вопрошает себя: «Неужели я нечестный игрок?» — ибо жаждет он все потерять.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди дел своих и всегда исполняет больше, чем обещал: ибо жаждет он гибели.

Я люблю того, кто оправдывает грядущее поколение, а прошедшее — избавляет, ибо жаждет он гибели от ныне живущих.

Я люблю того, кто наказует Бога своего, потому что любит его: ибо от гнева Господа своего должен он погибнуть.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах ее; кого может погубить малейшее испытание: охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена настолько, что он забывает себя и вмещает в себя все вещи. Так все, что вмещает он, становится его гибелью.

Я люблю того, кто свободен духом и сердцем; того, чей разум — лишь малая частица сердца его — сердца, влекущего к гибели.

Я люблю всех, кто подобен тяжелым каплям, падающим одна за другой из темной тучи, нависшей над человечеством: они предвещают приближение молнии и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я — провозвестник молнии, я — тяжелая капля из грозовой тучи; а имя той молнии — Сверхчеловек».

* Ср.: Лук. 17, 33: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее».

5

Произнеся эти слова, Заратустра снова взглянул на толпу и умолк. «Вот стоят они и смеются, — говорил он в сердце своем, — они не понимают меня: не для их слуха речи мои.

Неужели надо сначала лишить их ушей, чтобы они научились слушать глазами? Неужели надо греметь, подобно литаврам, и трещать, словно проповедники покаяния? Или, быть может, верят они только заикающемуся?

Есть у них нечто, чем гордятся они. Как же именуют они предмет гордости своей? Они называют его «культурой», которая, по их словам, отличает их от пастухов.

Поэтому не любят они принимать на свой счет слово «презрение». Тогда стану я звать к их гордости.

Я буду говорить им о самом презренном, а самый презренный — это последний человек».

И обратился Заратустра к народу с такими словами:

«Настало время человеку поставить себе цель. Пора ему посадить росток высшей надежды своей.

Пока еще изобильна и щедра земля его: но придет время, и станет она скудной и бессильной, и ни одно высокое дерево уже не вырастет на ней.

Горе! Приближается время, когда человек уже не сможет пустить стрелу желания своего выше себя, и тетива лука его разучится дрожать.

Я говорю вам: надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не сможет более родить ни одной звезды. Горе! Приближается время презреннейшего человека, который не в силах уже презирать самого себя.

Смотрите! Я покажу вам последнего человека.

«Что такое любовь? Что такое созидание? Что такое страсть? Что такое звезда?» — так вопрошает последний человек и недоуменно моргает глазами.

Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам.

Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех.

«Счастье найдено нами», — говорят последние люди, бессмысленно моргая.

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло.

Болезнь и недоверчивость считаются у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Только безумец может наткнуться на камни и на людей!

Время от времени — немножко яду: он навевает приятные сны. И побольше яду напоследок, чтобы было приятнее умереть.

Они еще трудятся, ибо труд для них — развлечение. Но они заботятся о том, чтобы развлечение это не утомляло их чрезмерно.

Не будет уже ни бедных, ни богатых: и то, и другое слишком хлопотно. И кто из них захочет повелевать? Кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно.

Нет пастыря, есть одно лишь стадо!* У всех одинаковые желания, все равны; тот, кто мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом.

«Прежде весь мир был безумным», — говорят самые проныцательные из них и бессмысленно моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их покой и пищеварение.

Есть у них и свои маленькие удовольствия: одно — днем, другое — ночью; но более всего они пекутся о здоровье.

«Мы открыли счастье», — говорят последние люди и бессмысленно моргают».

Так закончилась первая речь Заратустры, которую называют также «Предисловие», потому что на этом месте его прервали крики и ликование толпы: «Дай же нам этого последнего человека, — восклицала толпа, — сделай нас последними людьми, о Заратустра! Не нужен нам твой Сверхчеловек!» И все ли-

* Ср.: Иоан. 10, 16: «...и они услышат голос мой, и будет одно стадо и один Пастырь».